

УДК 93/94+349.225.65“1941/1945”
DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-1-9-15

Ю. Г. БЕЛОНОВ

Пермский национальный
исследовательский
политехнический университет,
г. Пермь

К ВОПРОСУ КОРРЕКТИРОВКИ ПОДСЧЕТОВ КАРАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА НА ТРУДОВОМ ФРОНТЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена идентификации групп факторов, которые искусственно завышали или, наоборот, занижали результаты карательной политики государства по укреплению трудовой дисциплины в годы Великой Отечественной войны в индустриальном секторе советской экономики. Исследование выполнено на основе анализа как изменившейся законодательной базы в изучаемой сфере, так и делопроизводственной документации партийных комитетов ВКП(б) Молотовской области. Изучая реальную практику применения законов на отдельных крупных предприятиях Молотовской области, автор приходит к выводу о несоответствии между количеством реально совершенных трудовых преступлений и количеством работников, осужденных за них.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, карательная политика, трудовые преступления, дезертирство с производства, прогул, Молотовская область, Пермь.

Введение. В 1940 г. в рамках подготовки экономики СССР к грядущей войне был принят ряд законов, значительно ужесточивших трудовое законодательство. Так, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. не только значительно ограничил самостоятельный переход работников с одного места работы на другое, но отныне рассматривал некоторые разновидности нарушений трудовой дисциплины как трудовые преступления, подлежащие применению мер уже не дисциплинарной, а уголовной ответственности. В годы Великой Отечественной войны тенденции дробления трудовых преступлений с выделением их новых разновидностей, ужесточения санкций за нарушение правовых норм будут продолжены. С 1940 г. и на протяжении всей Великой Отечественной войны дела о трудовых преступлениях стали самой массовой категорией дел в судебной практике органов как гражданского, так и военного правосудия [1, с. 79].

Под карательной политикой на «трудовом фронте» автор понимает целенаправленную дея-

тельность советского государства по привлечению к уголовной ответственности наемных работников за совершение трудовых преступлений, предусмотренных действовавшим законодательством. В узком смысле, субъектом такой карательной политики являлись функционировавшие органы правосудия (военные трибуналы, народные суды), деятельность которых отражалась в количестве осужденных за трудовые преступления. Однако в широком смысле употребление термина (именно этот подход задействован в статье), перечень субъектов даже на региональном и местном уровне значительно расширяется: масштабы привлечения/не привлечения к уголовной ответственности прямо или косвенно зависели и от интересов руководства предприятий заводов, фабрик, шахт, строек и т.д.), и от директив партийных органов, и от эффективности работы правоохранительных органов. Поэтому такая совокупная деятельность всех «заинтересованных» субъектов по привлечению к уголовной ответственности наемных работников за совершение предусмотренных законом трудовых преступле-

ний понимается автором как карательная политика на «трудовом фронте». Она включает в себя не только нормативно-правовую и организационную составляющие, но и правоприменительную (формальную и неформальную) практику исполнения законодательства ее субъектами.

В современной историографии рассматриваемой проблемы уже сформировались представления, основанные на задокументированной информации из центральных архивов, о масштабах карательной политики на трудовом фронте. По данным В. Н. Земскова, только за самовольный уход с предприятий за период с 1941 по 1945 календарные годы было осуждено 1 970 186 человек, из них по Указу от 26 июня 1940 г. — 1 053 019 (53,35 %), по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. — 836 893 человека (42,48 %), по ст. 193–7п. «г» УКРСФСР (транспортники) — 80 275 (4,07 %). С учетом осужденных за прогулы (включая опоздания на работу и преждевременный уход на 20 и более минут) к уголовной ответственности за тот же период было привлечено 7 499 535 человек [2, с. 111]. По данным А. Я. Кодинцева, за 1942–1945 гг. по Указу от 26 декабря 1941 г. было осуждено 767015 человек [3, с. 106], по Указу от 26 июня 1940 г. за 1941–1945 календарные годы за прогулы и самовольное оставление места работы — 6 747 405 человек [4, с. 74]. Безусловно, в обоих случаях исследователи анализировали динамику карательной политики по реализации указанных законов в период Великой Отечественной войны, имевшую в целом (хотя не по каждому году и не по каждой разновидности преступлений) тенденцию к общему снижению количества осужденных за данные трудовые преступления. Важно указать на некоторую ограниченность в представленных данных: в статистические показатели, используемые указанными авторами, не включались количественные данные по работникам, осужденным за «покровительство прогульщикам» по Указу от 26 июня 1940 г., а также лица, осужденные по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 декабря 1940 г. «Об ответственности учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и за самовольный уход из училища (школы)».

На сегодняшний момент исследователи могут судить о борьбе с негативными девиациями в сфере труда периода Великой Отечественной войны на основе ежегодных количественных результатов карательной политики государства по отношению к нарушителям трудовой дисциплины. Однако насколько информативны данные показатели? На мой взгляд, подход, учитывающий только динамику изменений статданных по количеству осужденных органами гражданского и военного правосудия, является несколько ограниченным для понимания проблемы масштабов совершенных трудовых преступлений.

Следует заметить, что источниковедческий анализ статданных по количеству осужденных за трудовые преступления в годы Великой Отечественной войны все же не являлся целью специальных исторических исследований. Изучение тех или иных аспектов карательной политики государства предполагало лишь констатацию найденной, подчас отрывочной, информации из региональных и центральных архивов по количеству осужденных в масштабах отдельного предприятия, города, региона, страны. Безусловно, предпринимались по-

пытки объяснения динамики карательной политики на трудовом фронте в изучаемый период, при этом причины изменений численности осужденных связывались с кампанейским характером (этапами активизации и постепенного затухания) по реализации законов в сфере трудовых отношений [например, см.: 5].

Целью данного исследования является раскрытие факторов и функционировавших в период Великой Отечественной войны управленческих практик, которые объективно влияли на общие показатели численности осужденных за трудовые преступления. Для анализа изучаемой проблемы были задействованы две основные группы источников: действовавшее в изучаемый период трудовое законодательство, а также делопроизводственная документация местных партийных органов, хранящаяся в Пермском государственном архиве социально-политической истории. Последняя группа источников включает в себя, прежде всего, отчеты, докладные записки представителей правоохранительных и судебных органов, хозяйственных руководителей и секретарей первичных парторганизаций предприятий,строек и шахт, а также результаты проверок работы промышленных объектов самими партийными органами. Анализ делопроизводственной документации, на наш взгляд, позволит скорректировать представления о реальных результатах государственной политики по борьбе с нарушениями трудовой дисциплины в годы Великой Отечественной войны.

Основная часть. На основе анализа указанной выше источниковой базы следует выделить несколько групп факторов, влиявших на количественные показатели карательной политики.

К первой группе следует отнести факторы, которые формально увеличивали статистические данные по количеству случаев осуждения работников за трудовые преступления, при этом не увеличивая по факту количество осужденных работников. Такая «двойная» статистика была возможна как в случаях рецидива преступлений и переквалификации дел на осужденных из-за изменения состава преступления, так и в случаях отмены решения суда первой инстанции в результате обжалования приговора и кассации.

Рецидив предполагал повторное (и последующее) осуждение работника, что случалось при реализации Указа от 26 июня 1940 г. Уже принятые во исполнение данного закона нормативно-правовые акты в том же году констатировали ситуации, когда работник, отбывая наказание за прогул без уважительных причин, повторно совершает аналогичный прогул. Постановлением Пленума Верховного суда СССР от 23 июля 1940 г. № 25/14/у такое нарушение трудовой дисциплины рассматривалось как самостоятельное преступление. А постановление Пленума Верховного суда СССР от 26 сентября 1940 г. за № 35/7/20/у по делу Липина предусматривало в качестве общего указания судебным органам в таких случаях заменять неотбытый срок исправительно-трудовых работ лишением свободы на тот же срок [6, с. 28]. В начале Великой Отечественной войны, в условиях мобилизации в ряды Вооруженных сил СССР большого количества трудоспособных работников, власть пыталась прикрепить нарушителя трудовой дисциплины к месту работы, ограничить случаи его попадания в места лишения свободы. Так, постановление Пленума Верховного суда СССР № 28/11/у от 7 июля 1941 г.

уже по-другому определяло наказание в подобных ситуациях: если осужденный совершал повторный прогул без уважительных причин во время отбывания срока исправительно-трудовых работ, то наказание ему определялось путем сложения сроков за первый и второй прогул. Только в случае совершения прогула без уважительных причин в третий раз (в период отбывания наказания за предшествующие прогулы) действия нарушителя трудовой дисциплины определялись как злостное уклонение от работы и квалифицировались уже как самовольный уход с работы с предусмотренным законом наказанием в виде тюремного заключения на срок 2–4 месяца [7]. Во всех указанных ситуациях судебной статистикой учитывались именно случаи привлечения к уголовной ответственности за трудовое преступление. Поэтому работник, неоднократно привлекавшийся к уголовной ответственности, учитывался соответствующее количество раз. В отчетах «треугольников» заводов, шахт, строек, транспортных объектов, направляемых в местные парторганы, даже существовала особая графа о повторном, третьем и т.д. случае привлечения конкретного работника к уголовной ответственности.

Аналогичный «двойной счет» предполагался и при перекалфикации дела с Указа от 26 декабря 1941 г. на Указ от 26 июня 1941 г. Практика освобождения из-под ареста и направления пойманных дезертиров производства на прежнее предприятие (по принципу «пусть работают на заводе и выполняют оборонное задание») была достаточно распространена [примеры см.: 8, л. 51–55]. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 декабря 1944 г. фактически легализовал данную практику. Согласно данному закону, предусматривалась амнистия лицам, уже осужденным военными трибуналами за самовольный уход с предприятий, на которые распространялось действие Указа от 26 декабря 1941 года, если они до 30 декабря 1944 г. добровольно возвратились на эти предприятия. Одновременно Указ об амнистии действовал и в отношении тех дезертиров производства, кто возвращался обратно на свои предприятия до 15 февраля 1945 г. [9]. Даже в случае розыска и поимки (т.е. не добровольного возврата) дезертира прокурор обязательно спрашивал его о желании возвратиться на прежнее предприятие: в случае положительного ответа дезертир также подпадал под амнистию [10, с. 7]. Анализ делопроизводственной документации местных парткомов показывает важный нюанс изменения наказания. При возвращении дезертира руководство предприятия имело право допустить до работы. С юридической точки зрения, это меняло существо обвинения, и на этом основании прокуратура перекалфицировала уголовное дело: отныне работник подлежал уголовному преследованию уже по Указу от 26 июня 1940 г. как индивид, совершивший прогул. В условиях войны такая перекалфикация уголовного дела предполагала для осужденного исправительно-трудовые работы по его месту трудовой деятельности (до полугода), вычет в течение этого времени из заработной платы (до 25 %) и (с октября 1942 г.) снижение норм хлебного пайка.

Показатели судебной статистики искусственно увеличивали количество осужденных и за счет тех работников, которые впоследствии освобождались от уголовной ответственности в результате отмены приговора суда первой инстанции вышестоящим судом в порядке обжалования и кассации. Исследования показывают, что Верховный суд СССР

в период войны достаточно активно осуществлял надзор за решениями судов общей юрисдикции, «внимательно относился к рассмотрению дел, следил за вопросами подсудности дела и законностью вынесенных решений» [11, с. 106].

В следующую группу можно объединить те факторы, которые показывали факт наличия нарушений трудовой дисциплины и поэтому могли бы увеличить количественные показатели осужденных за трудовые преступления, но по ряду причин в официальную статистику нарушители не попадали. К таковым факторам следует отнести декриминализацию некоторых трудовых преступлений, амнистию 1945 г., а также не доведение материалов о нарушениях трудовой дисциплины до вынесения приговора военными трибуналами или народными судьями.

Безусловно, на первое место среди данной группы факторов следует отнести «саботаж» карательного законодательства в сфере трудового права со стороны хозяйственного руководства шахт, предприятий, строек. Архивные документы содержат многочисленные случаи, когда администрация вместо передачи материалов в судебные органы привлекала виновных рабочих к дисциплинарной ответственности. Отчеты по итогам многочисленных проверок, организованных партийными, профсоюзными, комсомольскими органами, показывают наличие случаев преждевременного ухода работников, выдачу руководством предприятий отпусков без содержания, запоздалое оформление материалов на прогульщиков и дезертиров, а также другие нарушения существовавшего тогда трудового и процессуального законодательства. Данный феномен нуждается в специальном изучении, но, помимо таких причин, как плохо налаженный табельный учет, сочувственное отношение к оказавшимся в сложных жизненных условиях нарушителям, коррупционный фактор (покровительство нарушителям за материальное вознаграждение), следует на первое место поставить желание хозяйственной администрации (даже под угрозой привлечения к уголовной ответственности за нарушение трудового законодательства) сохранить рабочую силу для выполнения напряженных плановых заданий.

В годы Великой Отечественной войны прослеживается еще недостаточно изученная в современной историографии эволюция трудового законодательства, связанная с пересмотром некоторых довоенных правовых норм и, соответственно, упразднением карательных санкций за их нарушения. Прагматичные интересы производства в сочетании с политической целесообразностью, вызванной нежеланием обострять латентный конфликт между администрацией и работниками, способствовали в 1943–1945 гг. декриминализации состава ряда трудовых преступлений. В частности, А. Я. Кодинцев упоминает, что именно в период войны обращение к врачу в рабочее время, сон во время рабочей смены (правда, при условии вынужденного простоя работника по вине работодателя. — Ю. Б.) уже перестают считаться прогулом без уважительных причин и преследоваться по Указу от 26 июня 1940 г. [4, с. 72]. Архивные источники содержат примеры оправдания органами правосудия работников, не вышедших в свою смену, но отработавших рабочее время в следующую смену, а также работников, не вышедших на смену по причине необеспечения работодателем необходимой для работы обуви и спецодеждой (примеры см.: 12, л. 28; 13, л. 13;

14, л. 4; 15, л. 36). В довоенный период (особенно на пике реализации данного Указа в августе – сентябре 1940 г.) аналогичные деяния однозначно квалифицировались как трудовые преступления.

Для понимания несоответствия между количеством совершенных трудовых преступлений и количеством осужденных за них важно учитывать еще одно обстоятельство: в годы войны значительно изменился гендерный и возрастной состав трудящихся. Так, в 1942 г. среди общей численности рабочих и служащих промышленности подростки в возрасте до 18 лет составляли 15 %, а в 1939 г. удельный вес несовершеннолетних работников составлял всего 6 %. В 1942 г. доля молодых рабочих в возрасте до 25 лет на предприятиях оборонной промышленности СССР превышала 40 %, причём три четверти всех новобранцев до этого времени никогда не работали на производстве [данные приведены по: 16, с. 80]. Таким образом, повысился удельный вес несовершеннолетних работников, еще не имевших знаний, умений и оплаты уровня высококвалифицированных кадровых рабочих и демонстрировавших достаточно низкий уровень культуры труда и трудовой дисциплины. Именно представители таких маргинализованных групп работников часто совершали дезертирство с производства [подробнее о феномене «детского» дезертирства с трудового фронта см.: 17]. Тем не менее данные преступления далеко не всегда учитывались в официальной статистике по осужденным, поскольку по Указу от 26 декабря 1941 г. в уголовном порядке преследовались лишь лица старше 16 лет. На основе изучения материалов Военного трибунала войск НКВД Удмуртской АССР О. В. Ветюшкина упоминает о возврате в прокуратуру уголовного дела по дезертирству в тех случаях, когда «преступник» не достиг 16-летнего возраста [18, с. 240]. В делопроизводственной документации местных парторганов Молотовской области упоминаются случаи, когда администрации предприятий (а не руководство школ ФЗО или ремесленных училищ) оформляли материалы дел на дезертиров, не достигших возраста 16 лет, и передавали их, как требовало процессуальное законодательство, в органы прокуратуры, а те не направляли такие дела в военный трибунал для вынесения судебного решения (12, л. 90). Ради справедливости необходимо упомянуть, что такие несовершеннолетние работники все равно должны были осуждаться, но уже по упомянутому выше Указу от 28 декабря 1940 г. (об этой практике см.: 13, л. 25).

Определенное влияние на потенциальное сокращение численности осужденных за трудовые преступления оказала амнистия, предусмотренная Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 июля 1945 г. Согласно тексту документа, среди категорий граждан, подлежащих амнистии из мест лишения свободы в связи с победоносным окончанием Великой Отечественной войны, значились и лица, осужденные за «дезертирство с производства». При этом полностью прекращались все судебно-следственные дела на лиц, находившихся в розыске, на задержанных дезертиров, а также дела, еще не рассмотренные судебными органами до 7 июля 1945 г. и по которым не был вынесен приговор [19].

На наш взгляд, данная амнистия дезертиров производства де-факто отражала бессилие системы правоохранительных и судебных органов реализовывать Указ от 26 декабря 1941 г. в тех масшта-

бах, которые приобрело данное социальное явление в условиях войны.

Заключение. По итогам проведенного исследования можно выделить две группы факторов, которые необходимо учитывать при оценке имеющихся статистических данных по количеству трудящихся, осужденных за трудовые преступления в период Великой Отечественной войны. К первой группе следует отнести факторы, искусственно увеличивавшие официальные статданные: «двойной учет» трудовых дезертиров и прогульщиков (рецидивы, переквалификация уголовных дел), отмена вынесенного судом первой инстанции приговора на вышестоящем уровне. Вторая группа состоит из факторов, которые влияли на занижение статданных карательной политики. К таковым следует отнести многообразное по своим проявлениям «покровительство» нарушителям трудовой дисциплины со стороны руководства предприятий и организаций, декриминализацию ряда трудовых преступлений, амнистию от 7 июля 1945 г. Отсутствие факторов второй группы могло бы увеличить численность осужденных.

Наличие таковых групп факторов подтверждает уже существующую в историографии гипотезу о большом расхождении между количеством вынесенных приговоров и количеством нарушений со стороны работников [см.: 20, с. 342, 344].

Однако, на сегодняшний момент, выявить их количественное влияние на отклонение от статданных судебной статистики периода Великой Отечественной войны представляется затруднительной научной задачей.

Анализ делопроизводственной документации позволяет сделать вывод о значительном изменении в правоприменительной практике реализации карательной политики на «трудовом фронте» в годы Великой Отечественной войны. Суть изменений заключалась в том, что советское руководство в силу политической и экономической целесообразности сознательно отказывалось от слепого копирования довоенных практик. Это предполагало применение более дифференцированного подхода к нарушителям трудовой дисциплины в период войны. Руководство предприятий было заинтересовано в сохранении дефицитных в военных условиях работников. Степень ценности и полезности рабочего для производства рассматривалась в большей степени через призму его квалификации и способности выполнять напряженные плановые задания. Поэтому в условиях действия жестких юридических норм в сфере укрепления трудовой дисциплины их правоприменение на практике существенно зависело и от субъективного фактора.

Библиографический список

1. Папков С. А. Карательное правосудие на трудовом фронте в СССР в 1941–1945 гг. // Вопросы истории. 2011. № 12. С. 72–80.
2. Земсков В. Н. Организация рабочей силы и ужесточение трудового законодательства в годы Великой Отечественной войны // Международные отношения. 2014. № 1. С. 104–114. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.1.10353.
3. Кодинцев А. Я. Кампания по борьбе с «дезертирством» с предприятий военной промышленности СССР в 1941–1948 годах // Отечественная история. 2008. № 6. С. 101–107.
4. Кодинцев А. Я. Осуществление правовой политики советского государства органами юстиции при проведении кампании по реализации Указа Президиума Верховного Совета

СССР от 26 июня 1940 года в военный и послевоенный период // Политика и Общество. 2008. № 5. С. 72-79.

5. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. Москва: РОССПЭН, 2008. 464 с. ISBN 978-5-8243-1016-0.

6. Киселев И. Я. Трудовое право в тоталитарном обществе (Из истории права XX века): моногр. Москва: РАН ИНИОН, 2003. 84 с. ISBN 5-248-00180-3.

7. Об изменении постановления Пленума Верховного суда СССР от 23 июля 1940 г. № 25/14/у; постановление Пленума Верховного суда СССР от 7 июля 1941 г. № 28/11/у. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

8. Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Ф. 1. Оп. 22. Д. 415.

9. Об амнистии лицам, самовольно ушедшим с предприятий военной промышленности и добровольно возвратившимся на эти предприятия: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 декабря 1944 года. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

10. Рогалева Н. В. Уголовно-правовая политика советского государства в годы Великой Отечественной войны // Вестник Кузбасского института. 2011. № 2 (5). С. 4–8.

11. Лузгина М. И. Роль советских судов в решении вопросов повседневности в условиях военного времени // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2017. № 2. С. 101–109.

12. ПермГАСПИ. Ф. 78. Оп. 6. Д. 331.

13. ПермГАСПИ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 153.

14. ПермГАСПИ. Ф. 1290. Оп. 62. Д. 320.

15. ПермГАСПИ. Ф. 1290. Оп. 62. Д. 15.

16. Репников Д. В. Молодые рабочие предприятий оборонной промышленности Удмуртской АССР в годы Великой Отечественной войны: проблемы адаптации на производстве // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2021. Т. 31, № 1. С. 79–91. DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-1-79-91.

17. Kucherenko O. State v. Danila Kuz'mich: Soviet desertion laws and industrial child labor during World War II // Russian Review. 2012. No. 71 (3). P. 391–412. DOI: 10.2307/23263851.

18. Ветошкина О. В. «Мобилизован на производство»: к вопросу о формировании мобилизационной модели трудовых отношений в 1941–1945 гг. (на примере оборонных заводов Удмуртии) // Проблемы изучения военной истории: сб. ст. III Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Самара: ООО Научно-технический центр, 2015. С. 237–242. ISBN 978-5-98229-266-7.

19. Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 07 июля 1945 г. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

20. Тряхов И. С. Динамика и причины нарушений трудовой дисциплины в годы Великой Отечественной войны (на материалах города Коврова) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19, № 2. С. 330–348. DOI: 10.22363/2312-8674-2020-19-2-330-348.

БЕЛОНОГОВ Юрий Геннадьевич, кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления и истории Пермского национального исследовательского политехнического университета, г. Пермь.

SPIN-код: 4657-5329

ORCID: 0000-0002-9558-4357

Адрес для переписки: ugb78@mail.ru

Для цитирования

Белоногов Ю. Г. К вопросу корректировки подсчетов карательной политики советского государства на трудовом фронте в годы Великой Отечественной войны // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 1. С. 9–15. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-1-9-15.

Статья поступила в редакцию 10.09.2021 г.

© Ю. Г. Белоногов

ON THE PROBLEM OF ADJUSTING CALCULATIONS OF PUNITIVE POLICY OF THE SOVIET STATE ON LABOR FRONT DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article is devoted to the identification of groups of factors that artificially overstated or, on the contrary, underestimated the results of the punitive policy of the state to strengthen labor discipline during the Great Patriotic War in the industrial sector of the Soviet economy. The study is carried out on the basis of an analysis of both the changed legislative framework in the studied area and the office documentation of the Committees of the Communist Party in the Molotov region. Studying the real practice of applying laws in certain large enterprises of the Molotov region, the author concludes that there is a discrepancy between the number of actual labor crimes and the number of workers convicted of them.

Keywords: Great Patriotic War, punitive policy, labor crimes, desertion from production, absenteeism, Molotov region, Perm.

References

1. Papkov S. A. Karatel'noe pravosudiye na trudovom fronte v SSSR v 1941 – 1945 gg. [Punitive justice on the labor front in the USSR in 1941 – 1945] // *Voprosy istorii. Issues of History*. 2011. No. 12. P. 72–80. (In Russ.).
2. Zemskov V. N. Organizatsiya rabochey sily i uzhestocheniye trudovogo zakonodatel'stva v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Organization of labor force and tightening of labor legislation during the Great Patriotic War] // *Mezhdunarodnyye otnosheniya. International Relations*. 2014. No. 1. P. 104–114. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.1.10353. (In Russ.).
3. Kodintsev A. Ya. Kampaniya po bor'be s «dezertirstvom» s predpriyatiy voyennoy promyshlennosti SSSR v 1941–1948 godakh // [Campaign against «desertion» from the war industry factories of the USSR in 1941–1948] // *Otechestvennaya istoriya. Russian History*. 2008. No. 6. P. 101–107. (In Russ.).
4. Kodintsev A. Ya. Osushchestvleniye pravovoy politiki sovetskogo gosudarstva organami yustitsii pri provedenii kompanii po realizatsii Ukaza Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 26 iyunya 1940 goda v voyennyi i poslevoynnyy period [Realization of a legal policy of the Soviet State by judicial authorities at carrying out of campaign for realization of Decree Presidium of the Supreme Soviet the USSR from June, 26th, 1940 in the military and post-war period] // *Politika i Obshchestvo. Politics and Society*. 2008. No. 5. P. 72–79. (In Russ.).
5. Solomon P. *Sovetskaya yustitsiya pri Staline* [Soviet justice under Stalin]. Moscow, 2008. 464 p. ISBN 978-5-8243-1016-0. (In Russ.).
6. Kiselev I. Ya. *Trudovoye pravo v totalitarnom obshchestve (iz istorii prava XX veka)* [Labour law in a totalitarian society (from the history of law of the XX century)]. Moscow, 2003. 84 p. ISBN 5-248-00180-3. (In Russ.).
7. Ob izmenenii postanovleniya Plenuma Verkhovnogo suda SSSR ot 23 iyulya 1940 g. № 25/14/u: postanovleniye Plenuma Verkhovnogo suda SSSR ot 7 iyulya 1941 g. № 28/11/u [On the amendment of the decision of the Plenum of the Supreme Court of the USSR, July 23, 1940 № 25/14/u: Decision of the Plenum of the Supreme Court of the USSR, July 7, 1941 № 28/11/u]. Available at «Consultant Plus» System. (In Russ.).
8. Permskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (PGASPI) [Perm state archive of socio-political history (PSASPH)]. File: 1/22/415/101. (In Russ.).
9. Ob amnistii litsam, samovol'no ushedshim s predpriyatiy voyennoy promyshlennosti i dobrovol'no vozvrativshimsya na eti predpriyatiya: Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 30 dekabrya 1944 goda [Amnesty for persons who voluntarily left the military industry and voluntarily returned to these enterprises: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR, December 30, 1944]. Available at «Consultant Plus» System. (In Russ.).
10. Rogaleva N. V. Ugolovno-pravovaya politika sovetskogo gosudarstva v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Criminal law policy the Soviet State in the years of the Great Patriotic War] // *Vestnik Kuzbasskogo instituta. Bulletin of the Kuzbass Institute*. 2011. No 2 (5). P. 4–8. (In Russ.).
11. Luzgina M. I. Rol' sovetskikh sudov v reshenii voprosov povsednevnosti v usloviyakh voyennogo vremeni [The role of the Soviet courts in resolving issues of everyday life in wartime] // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Herald of Tver State University. Series: History*. 2017. No. 2. P. 101–109. (In Russ.).
12. PGASPI [PSASPH]. File: 78/6/331/99. (In Russ.).
13. PGASPI [PSASPH]. File: 231/1/153/28. (In Russ.).
14. PGASPI [PSASPH]. File: 1290/62/320/26. (In Russ.).
15. PGASPI [PSASPH]. File: 1290/62/15/60. (In Russ.).
16. Repnikov D. V. Molodyye rabochiye predpriyatiy obronnoy promyshlennosti Udmurtskoy ASSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: problemy adaptatsii na proizvodstve [Young workers of the defense industry enterprises of the

Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War: problems of adaptation in production] // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya. *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*. 2021. Vol. 31, no. 1. P. 79–91. (In Russ.).

17. Kucherenko O. State v. Danila Kuz'mich: Soviet desertion laws and industrial child labor during World War II // *Russian Review*. 2012. No. 71 (3). P. 391–412. DOI: 10.2307/23263851. (In Engl.).

18. Vetoshkina O. V. «Mobilizovan na proizvodstvo»: k voprosu o formirovanii mobilizatsionnoy modeli trudovykh otnosheniy v 1941–1945 gg. (na primere oboronnykh zavodov Udmurtii) // [«Mobilized for production»: on the formation of a mobilization model of labor relations in 1941–1945 (using the example of the defense plants of Udmurtia)] // *Problemy izucheniya voyennoy istorii. Problemy Izucheniya Voennoy Istorii*. Samara, 2015. P. 237–242. ISBN 978-5-98229-266-7. (In Russ.).

19. Ob amnistii v svyazi s pobedoy nad gitlerovskoy Germaniyey: ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 07 iyulya 1945 g. [On amnesty in connection with the victory over Hitler's Germany: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR, July 07, 1945]. Available at «Garant» System (In Russ.).

20. Tryakhov I. S. Dinamika i prichiny narusheniy trudovoy distsipliny v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (na materialakh

goroda Kovrova) [Dynamics and causes of violations of labor discipline during the Great Patriotic War (on the materials of the city of Kovrov)] // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii. *RUDN Journal of Russian History*. 2020. Vol. 19, no. 2. P. 330–348. DOI: 10.22363/2312-8674-2020-19-2-330-348 (In Russ.).

BELONOGOV Yuriy Gennadievich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of Public Administration and History Department, Perm National Research Polytechnic University, Perm.

SPIN-code: 4657-5329

ORCID: 0000-0002-9558-4357

Correspondence address: ugb78@mail.ru

For citations

Belonogov Yu. G. On the problem of adjusting calculations of punitive policy of the Soviet state on labor front during the Great Patriotic War // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2022. Vol. 7, no. 1. P. 9–15. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-1-9-15.

Received September 10, 2021.

© Yu. G. Belonogov